

ГЛАВА 1

СЛОВНО ПЛАМЯ

Над полем дул ветер. От его порывов развевались одежды двух всадников. Теплое закатное солнце освещало их фигуры. Оба скакали рядом, и лица их озаряли теплые улыбки, когда они смотрели друг на друга. Казалось, что этот момент может длиться вечно.

Ветер усилился и сбил с одного из всадников шляпу, которая улетела, словно перышко. Черные длинные волосы заколыхались на ветру. Оба проводили взглядом улетающую все дальше шляпу — ее было уже не вернуть. Эщин с распущенными волосами посмотрела на Юджина и остановила коня.

— Теперь мне нечем прикрыть волосы, — беспокоенно сказала Эщин, слезая с коня.

Юджин подошел к девушке и надел свою шляпу ей на голову.

— Всегда можно найти решение, — сказал он и аккуратно убрал волосы девушки под шляпу. Теперь она снова походила на мужчину. Двое стояли очень близко друг к другу.

— Ты точно знаешь, как добраться до моря? — с наигранным недоверием спросила Эщин, пока Юджин доставал карту и компас.

— Судя по карте, нам нужно следовать на восток. Навстречу солнцу, прямо в его объятия, — ответил он, прочертив пальцем путь на бумаге.

Эщин встретила с ним взглядом, улыбнулась и кивнула.

Они снова оседлали коней и скакали сквозь черную ночь до самого рассвета, когда наконец добрались до моря. Волны с шумом омывали песчаный пляж, море тянулось за горизонт. Эщин смотрела на открывшуюся перед ней бесконечную водную гладь, и ее сердце забилось чаще. Ее мысли, казалось, растворились в красивом пейзаже.

Юджин чуть заметно улыбался, разводя костер на берегу и кипятя воду для кофе. В дорогу он взял запасы хлеба и мясных консервов с фасолью. Складным ножичком вскрыл банки и протянул их Эщин.

— Не уверен, что такая еда придется тебе по вкусу, но, по крайней мере, поможет утолить голод.

— Меня многое восхищает в этом мире. Непривычная еда, шум прибоя и бесконечный горизонт. Все это даже лучше, чем я могла себе представить.

Благодаря Юджину прежний мир Эщин рухнул, и на его месте теперь строился новый. Он будет шире и устойчивее прежнего, и в то же время он будет мирный — мир, о котором Эщин продолжала мечтать. Мужчина посмотрел на девушку, задумчиво стоявшую у кромки моря. Она почувствовала его взгляд и обернулась.

— Америка находится за этим горизонтом?

— Вероятно.

Эщин посмотрела на консервы, которые ей протянул Юджин, и, гадая, какие они на вкус, попробовала. Вопреки его опасениям угощение пришлось девушке по вкусу, даже очень, в ее глазах читалось восхищение.

— Кстати, кто учит тебя корейскому? — вдруг спросила Эщин.

— Мальчик, который помогает в посольстве. Если честно, то он довольно строгий учитель.

— А английскому тебя научил мужчина, который написал тебе письмо?

Глядя на бескрайний морской горизонт, Юджин вспомнил то далекое время, когда Джозеф учил его английскому.

— Знать язык нужно было, чтобы хоть как-то зарабатывать на жизнь.

— Тебе приходилось голодать в Америке?

— В Америке не очень-то были рады азиатам. Когда я только прибыл в Нью-Йорк, все казалось необъятным, здания невероятно высокими, да и люди тоже. Даже небо казалось выше, чем в Корее. Я был так напуган, что ходил за Джозефом хвостом. Я прекрасно понимал, что без его помощи мне не выжить. Если бы не он, то я бы уже давно умер.

Лицо Юджина немного покраснело. Эщин аккуратно вынула из кармана письмо и протянула ему.

— Оно твое по праву.

Это было письмо от Джозефа, которое Эщин нашла в доме Ванька.

— Мне интересно, почему твое имя звучит одинаково на корейском и английском?

— В Америке тоже есть такое имя и оно схоже по звучанию с корейским. Имя «Юджин» — греческое, оно значит «великий и благородный», а произносится так же, как и мое имя, данное при рождении. Человек, написавший мне это письмо, помог мне выжить под этим именем.

Эщин улыбнулась.

— Невероятно. Такое имя и правда тебе под стать.

— Однако ему было нелегко соответствовать.

Девушка улыбнулась еще шире шутке Юджина.

— Ты справился. Что напишешь в ответном письме? Он спрашивал, как у тебя дела со мной.

Они смотрели друг на друга и улыбались. Юджин чуть сощурил глаза, звук волн отдавался у него в груди.

«Сегодня я побывал на море... Правда, любовался я не красотой пейзажа, а девушкой. Она смотрела на воду и ела походную еду, а я не мог оторвать от нее глаз» — таким бы был ответ.

Они по-прежнему смотрели друг на друга и улыбались. Затем Юджин налил горячей воды в железную кружку и протянул кофе Эщин.

— Выпей. Этот напиток поможет согреться.

— Я пробовала его раньше, но тогда он показался мне невероятно горьким. — Она взяла кружку и, подув на дымящийся напиток, осторожно сделала глоток. — А сегодня он кажется сладким. Мне кажется, я начинаю мечтать о несбыточном.

— О чем именно?

— Я впервые так далеко от дома, но в следующий раз хочу уехать еще дальше. Надеюсь, мне еще выпадет хотя бы один шанс. Такая вот у меня мечта.

— И куда же ты надеешься поехать? Я буду там с тобой?

Рассветное солнце прорывалось сквозь утреннюю дымку. Рассеивая тьму, оно загорелось, словно пламя. Эщин посмотрела Юджину в глаза и ответила:

— Конечно. Я хочу этого больше всего.

Здесь, на песчаном пляже, воображение Эщин обрело полную свободу, она чувствовала, как ее сердце наполняется надеждой, радостью, теплом и счастьем.

Юджин с Эщин шли рядом к гончарной мастерской.

После поездки к морю они постоянно поддерживали связь, оставляя друг другу записки в аптеке, в шкафчи-

ке с травами. Девушка, как умела, писала на английском, а Юджин, в свою очередь, на корейском. Он использовал в записках такие сложные слова, как «подножие горы» и «закат», на что Эщин, улыбаясь, отвечала: «Good job»*. В последней записке Юджин спросил, не нужен ли ей лодочник. Так была назначена встреча у переправы.

Сойдя на берег, они подошли к гончарной мастерской. Юджин аккуратно положил сумку, в который лежало несколько бутылок пива для Ынсана. Велев помощнику Го принести бракованную посуду, Ынсан взял одну из бутылок.

— Так, посмотрим, сколько пива ты принес в этот раз... И это все? У тебя ведь две руки! Чем была занята вторая рука?

— Река замерзла, поэтому нам пришлось идти пешком.

Ынсан фыркнул в ответ и погладил бороду. Эщин с интересом разглядывала бутылку, потому что только слышала об этом западном напитке, но ни разу его не пробовала. Она попросила Ынсана угостить ее, но тот отказался и продолжил, насупившись, крутить в руках бутылку с пивом.

— Не понимаю, как Джан Сынгу может дружить с таким мелочным человеком.

— Сколько еще я должен повторять? Я дружил с отцом Сынгу.

— Неважно. Даже не хочу знать. Просто принесите мне поскорее посуду. Могу поспорить, не такой уж вы и умелый гончар. Каждый раз, когда прихожу сюда, везде разбросаны битые чашки, – сказала Эщин.

Слушая, как Ынсан и девушка пререкаются, Юджин усмехнулся. Должно быть, мастер-гончар тоже состоял в «Армии справедливости», именно поэтому был в хоро-

* «Хорошая работа» (англ.). (Здесь и далее — прим. перев.)

ших отношениях с Сынгу и снабжал их треснутой посудой для тренировки в стрельбе.

— Правда не знаешь или просто притворяешься?

— О чем ты?

— Если и правда не понимаешь, то лучше думай, прежде чем говорить, чтобы потом не жалеть о своих словах, — сказал Юджин девушке, которая, казалось, ничего не подозревает. Как тогда, когда он открыл ей тайну своего происхождения.

Через некоторое время они уже шли обратно в сторону реки. Когда они переходили мост, где не так давно держались за руки, Эщин спросила:

— Получается, ты и до этого к нему приходил, без меня? И даже приносил ему западный алкоголь.

— Я познакомился с Ынсаном и оказался в неоплатном долгу перед ним задолго до нашей с тобой встречи. Он помог мне бежать из Чосола.

Эщин удивленно посмотрела на Юджина.

— Тогда я не понимал, но когда вернулся, понял, что своим спасением обязан помощи многих людей. Гончар Ынсан, который попросил Джозефа присмотреть за мной, был одним из таких людей. Как и охотники на рабов, которые просто отпустили меня.

— Гончар Хван заслуживает уважения.

— Так и есть. Я уважаю его, как никого другого.

— Я говорю это себе. Уже жалею о своих словах в его адрес.

Юджин широко улыбнулся.

— Ты пишешь на корейском все лучше и лучше. Я удивлена, что ты знаешь, как пишется «подножие горы».

— А что насчет слова «закат»?

Эщин рассмеялась. Ей было приятно проводить время с Юджином и разговаривать с ним. А записки от

него радовали ее сердце все время, пока они не виделись. Ему же нравилось, когда девушка улыбалась, — в этот момент он не мог оторвать от нее глаз. Ее улыбка была словно теплый весенний ветер после долгой зимы.

— Не могу перестать любоваться твоей улыбкой... — Сказав это, Юджин поставил корзину с посудой, которую нес в руках, на землю. — Но боюсь, что однажды заставлю тебя плакать.

Юджин достал из кармана фотографию, которую носил с собой Енджу, и протянул девушке. Она внимательно посмотрела на нее, но фотография была ей незнакома.

— Ты знаешь кого-нибудь их них?

Эцин еще раз внимательно посмотрела на фотографию.

— Кто эти люди?

— Я разыскиваю одного из них. Кое-что не дает мне покоя, поэтому спрашиваю.

— И что же тебя беспокоит?

— Одного из них зовут Ко Санван.

Рука Эцин вздрогнула, она снова посмотрела на снимок.

— Ты не знаешь, как выглядел твой отец?

— Он уехал в Японию и встретил там женщину. Они сыграли скромную свадьбу, а после родилась я. Вскоре они оба погибли, а меня совсем крохой привезли в Чосон. С тех пор меня растил дедушка.

На глазах Эцин появились слезы, отчего на сердце у Юджина стало тяжело. В этот момент ему хотелось, чтобы боль Эцин была его собственной.

— Мне говорили, что у меня глаза отца и что я очень на него похожа, особенно характером. А как выглядела моя мама, даже Хаман не знала. Она всегда говорила, что я, должно быть, похожа и на нее.

Раньше, очень часто, когда Эщин не спалось, она просила Хаман рассказать ей о детстве своего отца. Ему было пятнадцать, когда женщина пришла служить в их дом. По ее воспоминаниям, у него был широкий лоб и прямой нос; окружающие считали его очень умным и аккуратным во всем. Несмотря на то что Ко Санван был из знатной семьи, он всегда хорошо ко всем относился вне зависимости от их положения и статуса.

Эщин не отрываясь смотрела на фотографию. Она легонько провела пальцем по лицу отца.

— Этот мужчина и есть мой отец. Я не могла не узнать, — сказав это, она расплакалась.

Юджин поднял руку, чтобы стереть слезинки со щеки Эщин, но не решился и просто молча наблюдал за девушкой. Она была счастлива наконец увидеть лицо своего отца, и ему не хотелось портить этот момент.

— Я должен оставить фотографию у себя, пока все не выясню и не разыщу того человека.

— Кого именно ты ищешь? Кого из них и почему?

— Я не могу сказать тебе — кого, но он напал на меня и его сразу же арестовали.

Девушка была потрясена, услышав о нападении.

— Как? Но ведь, если верить фотографии, все они были близки. Значит, на тебя напал друг моего отца? Зачем ему так поступать?

— Предполагаю, что один из них предал своих друзей. Когда я все выясню, то расскажу тебе эту историю в подробностях.

Разговор был сложным, но Юджин не хотел больше ничего скрывать от Эщин, потому и говорил открыто.

— Я буду ждать. Вероятно, он единственный человек, которого могу расспросить о своих родителях.

Юджин кивнул. Из-за сильного ветра ветки деревьев сталкивались друг с другом и громко шелестели.

Держа в руках пачку сигарет, Хисон спешно вошел в гостевую дом. Мужчина за стойкой регистрации попытался ему что-то сказать, но тот лишь отмахнулся.

— Я возьму ключ позже. Сейчас у меня важное дело, — сказал Хисон и помахал пачкой сигарет.

— Вероятно, это может быть еще важнее: у вас гость, и он сейчас в вашей комнате.

— Гость? — Хисон в недоумении посмотрел на мужчину, затем кивнул и тут же направился в сторону лестницы.

После недавней встречи со своим отцом Анпхёном, а точнее после встречи с Ваньком, организованной Анпхёном, Хисон не желал ни с кем встречаться. Он терпеть не мог, когда его пытались использовать. По этой же причине он долгое время не решался возвращаться в Чосон. Однако Анпхён считал, что Хисона необходимо направлять и подталкивать в нужную сторону — сторону успешного будущего, потому и подстроил столкновение рикш, чтобы представить Ваньку своего сына и даже передать подарок якобы в качестве извинения.

Хисон открыл дверь в свою комнату и на мгновение замер от удивления, увидев Сахона, сидящего прямо перед ним.

— Не ожидал, что вы нанесете мне визит. Прошу прощения, что заставил ждать. — Хисон встал на колени и склонился в вежливом поклоне, а затем встал и сел напротив. Лицо Сахона не выражало никаких эмоций.

— Я слышал, что уже прошло какое-то время с тех пор, как ты вернулся в Чосон. Ты приходил в мой дом и виделся с Эщин?

— Не знал, что это противоречит правилам приличия. Приношу свои извинения.

— Я и не думал тебя ругать за это. Наоборот, ты правильно поступил.

Смущенный Хисон удивленно посмотрел на Сахона. Перед ним сидел седой старик, но от него исходила какая-то особая энергия, свойственная далеко не каждому человеку. За свою долгую жизнь он набрался опыта и мудрости и не утратил доверия к людям, а также продолжал верить в светлое будущее.

— Мне известно, что ты уехал из страны ради учебы и не возвращался долгое время. Ты не хотел зависеть от своего деда и потому отправился за границу, — глядя на удивленного Хисона, продолжил старик. Он как будто видел его насквозь, видел в нем то, что даже его родители были не в силах распознать. — Именно по этой причине я и организовал вашу с Эщин помолвку. Ты был очень целеустремленным, и теперь, когда ты вернулся, пришло время жениться на моей внучке.

В сердце Хисона болезненно кольнуло. Они с Эщин договорились быть не больше чем союзниками, и каждый раз он пытался утешить себя, что пусть они и не вместе, но он, по крайней мере, может быть рядом как ее товарищ.

— Простите меня за то, что я сейчас скажу, но она мне не нравится, — набравшись храбрости, выпалил он.

Конечно, это была ложь. Самая ужасная ложь, какую он когда-либо произносил, стоившая ему сейчас немалых усилий.

— Ее улыбка, походка, взгляд и даже прикосновения...

Хисон мысленно переместился в тот день, когда впервые увидел Эщин через забор. Ее улыбка сияла ярче солнечного луча. Все в ней, от улыбки и до кончиков

пальцев, выражало решительность и сдержанность, в отличие от него самого. Она была настолько прекрасна, что сердце Хисона наполнилось невероятным теплом. Однако сейчас он не видел другого выхода, кроме как солгать о своих настоящих чувствах.

— Понимаю. Она потребовала разорвать помолвку и очень холодно отзывалась о тебе. Думаю, она была довольно резка, поэтому прошу тебя принять все ее недостатки. — Сделав небольшую паузу, Сахон продолжил: — Если со мной что-нибудь случится, я бы хотел, чтобы ты защитил ее. Чувствую, что мое время уже на исходе. Пообещай мне, что не бросишь ее одну.

Никто не властен над временем. Сахон чувствовал себя хуже день ото дня и потому торопился. Эщин всегда была умнее и сильнее остальных детей в семье, и именно поэтому он так волновался за нее. Хисон не находил что сказать и только молча смотрел на старика.

Начальник почтового отделения спешил к дому Ли Ванька, чтобы передать письмо. Прочитав его, Ваньк пришел в раздражение.

Япония желает завладеть чосонскими товарами, используя свою валюту. Забрать наши товары — означает обворовать народ Чосона, и это прямая угроза нашему суверенитету. Мы не можем молчать, когда происходит подобное. На собрании в последний день месяца надеюсь на вашу поддержку. Те из вас, кому не безразлична

Ким Ынсук, Ким Сүён

судьба Чосона, приезжайте в Хансон и помогите мне.

Ваш сонбэ Ко Сахон*

Десятки таких писем были разосланы в разные города по всей стране — в Андон, Намвон, Хаман, Тэджон и многие другие. Начальник почтового отделения с тревогой взглянул на Ванька.

— Ха! Какой-то старик, который не выходит из дома и от которого ничего подобного не ждешь, собирается разрушить мои планы. Я всегда говорил, что от аристократов только одни проблемы. Как парочка слов может помочь Чосону? — гневно произнес Ваньк и скомкал письмо. — Никто не должен получить эти письма, ты меня понял? Сожги их все!

— Да, господин.

— Почему бы этому старику не сидеть тихо и не ждать, когда его время просто истечет? Неужели он хочет ускорить момент своей кончины? «Сонбэ»? Прекрасно, я позабочусь о том, чтобы твой конец наступил как можно скорее. — Глаза Ванька блеснули, как у змеи, готовой наброситься на любого, кто попадетс ей на пути.

* Сонбэ — уважительная форма обращения к старшему коллеге, наставнику.

ГЛАВА 2

Великий и благородный